

К истории рода Тарновских

Я хочу рассказать о моём деду Василии Васильевиче Тарновском, сыне В.В.Тарновского – младшего, и о моей матери Татьяне Васильевне Тарновской, которые являются продолжателями рода и талантов Тарновских. Это сообщение будет дополнением к публикации Т.П.Журавлевой “Нащадки мецената” (Родовід.-№14.-К., 1996). Всё, о чём пойдёт речь ниже, рассказала мне моя мать, которая выросла в ту пору, когда вечерняя беседа и чувства были важнейшими аспектами жизни людей. Матери же, в свою очередь, рассказал её отец. Так передавались из рода в род “преданья старины минувшей”.

Мой дед, Василий Васильевич Тарновский родился в 1872г. в родовом имении Качановка.

В Качановке. Сидят (справа налево): четвертый – В. В. Тарновский – основатель музея, слева от него – мать – Л. В. Тарновская и отец В. В. Тарновский-старший, справа – жена – С. В. Тарновская. 60-е гг. XIX ст.

С. В. Тарновская с сыном Василием (Васючком) и дочкой Софьей. 70-е гг. XIX ст.

Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям. Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому всё прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, на котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом. Казаки, охранявшие парк, научили Василия скакать на лошади и стрелять, отец обучил псовой охоте, качановские мальчишки – бороться, а после рассказов о запорожских казаках, их набегах и вольной жизни набеги вместе с качановскими приятелями на соседские бахчи, где арбузы были турками, привели к тому, что Васючка отослали учиться в

Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям.

Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому всё прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, на котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом.

В. В. Тарновский увлекался охотой

Василий Тарновский.
Конец 80-х – начало 90 гг. XIX ст.

столицу. Однако умение метко стрелять не раз спасало моему деду жизнь во время дуэлей, которые возникали из-за женщин. Об этом подробно рассказала моя бабушка графиня Мария Николаевна О'Рурк в дневниках, которые легли в основу книги на немецком языке "Tarnovska", написанной Hansom Nabe, Eduaru Kaiser Verlag, 1962г., 495 стр. Роман этот абсолютно бульварный с массой придуманных автором приключений, но некоторые подробности жизни деда не вызывают сомнений в достоверности, т.к. были известны и моей матери...

Софья Васильевна обладала изумительной окраски контральто, владела инструментом – роялем, поэтому в доме постоянно звучали романсы, серенады, украинские народные песни. Каждый раз, когда собирались гости, прадед просил Софию Васильевну спеть, и это было украшением вечера. Музыканты всегда были дорогими гостями Качановки. На судьбе деда не могло не сказаться то, что он вырос в атмосфере искусства и частенько пел дуэты

со своей матерью. Поэтому, когда прадед отправляет его учиться в юнкерское училище, он параллельно учится вокалу у профессора Эверарди.

Так случилось, что и в училище, и в консерватории Василий Васильевич учился вместе со своим одногодком, впоследствии знаменитым русским лирическим тенором – Леонидом Витальевичем Собиновым. В Москве, в кабинете Собинова висит фотография, на которой мой дед, Собинов и Нежданова.

Дебют деда состоялся в 1894 г. У него был баритон, как писал Эверарди, "настоящее бельканто". Одной из любимых опер у деда был "Евгений Онегин", где он пел Онегина, а Собинов – Ленского.

Прадед категорически не принимал таланта сына и его увлечения пением. Он считал, что для родовитого дворянина фиглярствовать на сцене – моветон, поэтому дед пел под различными псевдонимами. Мать называла один из них – Снежков. Свою дочь, мою мать, Василий Васильевич назвал Татьяной потому, что в день её рождения пел Онегина.

Василий Васильевич Тарновский (3ий) – артист императорских театров

И вот эффект от его хохота в Фаусте он решил усилить тем, что из глаз у него будут идти лучи. Ну и попросил деда помочь вклеить ему в уголки глаз бриллианты по 2 карата. Приехал он

Леонид Собинов и Василий Тарновский.
На обороте подпись: "Снимались с Леной 3 Фвряля в 1890 году. Москва. В память наших романсовъ и дуэтовъ"

В доме Тарновских часто бывал и Ф.И.Шаляпин. Мать, когда она была гимназисткой, да и все ее подружки были влюблены в Федора Ивановича и однажды, пока он беседовал с дедом в кабинете, они обрезали ему все пуговицы на пальто. На память. То-то он удивился, одеваясь. Когда же открылась причина, он захотал и после, вспоминая, всегда смеялся. Он был широким и веселым человеком. Не могу не рассказать об одном забавном случае, хотя и не очень по теме. Гриму в ту пору уделялось огромное внимание, Федор Иванович не доверял гримерам и сам гримировался.

В роли Фигаро

к деду на извозчике в шубе и шапке. И вот, когда бриллианты были вклеены, он кликнул извозчика и сказал: “В Большой Театр”. И вдруг видит, что тот везет его не туда, а в глухой переулок. “Куда же ты везешь меня, сукин сын”. На что извозчик из под облучка достает топор и говорит: “А ну, снимай шубу”. Шляпин встал, скинул шубу с плеч, скинул шапку (под шапкой были рожки) и захохотал, а из глаз лучи. Извозчик потерял сознание.

Пел дед, кроме императорской сцены, и в Киеве, и в Венской опере, и в Милане. Конечно, из-за этих псевдонимов доказать я это не могу (возможно, найдётся исследователь, который раскроет роль деда в развитии русской оперы начала XX ст.). Единственно есть фотографии, где дед в разных возрастах снят фотографом Императорского Театра в гримах различных ролей. Хочется подчеркнуть, что именно качановские вечера и атмосфера, которую создавали как Софья Васильевна так и великие писатели, художники и музыканты, гостившие подчас месяцами, повлияли на деда и он сам стал частью элиты русского искусства.

После революции деда два раза забирали в ЧК, т. к. он сразу был записан в число буржуев, подлежащих репрессии. Оба раза его выручали: первый раз крестьяне, второй - официанты. С его барской внешностью даже просто по улице ему было опасно ходить. Не стал он дожидаться третьего раза и уехал сначала на Кавказ, где некоторое время пел в Тифлисе, а затем через Константинополь в Берлин. В Константинополе он познакомился с эмигранткой с двумя детьми Сколяренко Екатериной Георгиевной и они вместе уехали в Берлин. Через некоторое время дед на ней женился. В Берлине их приютили в своем доме Скоропадские, с которыми Тарновские были в родстве, за что им низкий поклон (Елена Скоропадская, которой в те поры было 9 лет, живет в настоящее время в Швейцарии). Там дед поначалу пел в Берлинской Опере, пока не отказал голос.

Собинов, которому в 1923г. было присвоено звание народного артиста республики, не раз приглашал деда петь, но то, что произошло с Россией, по разному повлияло на них. Дед не принял и не мог принять братоубийства гражданской войны и последовавшего за ним уничтожения императорской семьи и интеллигенции. В общем “кухарка, которая может править государством” его не устраивала. И он с трудом понимал Собинова, как он может петь для новых русских, в том числе и для чекистов, которые зачастую после работы, благо Лубянка рядом с Большим Театром, шли слушать оперу в порядке массового культпохода. В 1930 году Собинов едет в концертное турне по Европе уже в ранге крупнейшего представителя русской вокальной школы. В том числе поет и в Берлине, где навещает деда. По приезде в Москву Леонид Витальевич приглашает мать и со слезами на глазах рассказывает ей о печальном состоянии деда - беден и болен. Привез он и берлинские фотографии деда.

Умер дед в 1932 г. и похоронен на кладбище русской общины в Берлине. В 1937 или 1938 году мать через Красный Крест нашла вторая жена деда Е.Г.Сколяренко и прислала ей письмо с описанием последних дней деда, однако мать ей не ответила - побоялась. Не то было время.

Вокальный талант передался и моей матери, которая, как и Софья Васильевна, пела для себя и своих близких, причем репертуар ее был весьма характерен: несколько украинских народных песен, серенады, романсы и арии из опер для мужских голосов. Это объясняется тем, что дед по вечерам садился за рояль и распевался перед театром или просто пел для себя и для нее, а она подпевала или вторила, вот и запомнила многое. Когда она стала постарше, то пели они иногда и дуэтом. Дед был совершенно замечательным отцом и мать, которая рано осталась без материнской ласки, обожала его. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на фотографии, где они вместе. Таким образом, и матери досталось от качановских вечеров. Мне трудно судить о голосе матери, т.к. я не могу быть в отношении нее объективным, но, по отзывам

В. Тарновский с дочерью

других людей и музыкантов, в том числе, у нее в молодости было чудное лирическое сопрано. Особенно я любил песню:

Де згода в сімействі,
Де мир і тишина,
Блаженні там люди,
Щаслива сторона!..

М. Н. Тарновская (урожденная О'Рурк) с сыном Василием

ли весной и летом, у нее был свой ослик с упряжкой и тележкой и попугай Жако. Лето, когда дед не пел, он проводил в Киеве и в Гардышевке с дочерью.

В Киеве её отдали в немецкую гимназию, где за любое русское слово можно было остаться ночевать в гимназии.

Гимназию мать окончила с отличием и дед отдал ее руку одному из киевских аристократов – князю (фамилию не помню). Была помолвка – и тут грянула революция. Киев несколько раз переходил из рук в руки. Мать была очень красивой и тетка прятала ее, как могла. Наконец установилась советская власть.

Софья Тарновская (Глинка)
90-е гг. XIX ст.

Составили списки буржуев, которых нужно репрессировать, и Софья Васильевна попала в число этих буржуев. Где-то на окраине сняли квартиру и там скрывались. Софья Васильевна не перенесла этого перехода к жизни изгоев и умерла. В этот момент дед вынужден был бежать и он предлагает матери бежать с ним, но она ждет жениха, который был в Белой Армии у Деникина и должен был за ней приехать, что он вскоре и сделал, но был застрелен в саду своего дома в момент, когда он откапывал зарытые там семейные реликвии и драгоценности. Итак, мать осталась одна в огромном доме. Семейные драгоценности были зарыты тоже в саду, в чем ей помогал один из дальних родственников, а когда откопали очень многого там не оказалось.

Нужно было жить дальше и тут она поступила в учебную киностудию Смирнова в Киеве, где познакомилась с моим отцом Каплером Алексеем Яковлевичем. Пришлось ему креститься и только после этого мать вышла за него замуж. После окончания студии они оба уехали в Одессу на кинофабрику, где мать снималась в немых фильмах. Сказался артистизм отца и опять же, в конечном счете, все это шло от Качанов-

Татьяна Тарновская –
гимназистка

ки. В новом мире освоиться матери помогли отец и мать моего отца. Они были простые и мудрые люди и их золотые советы помогли матери принять новые порядки и приспособиться к ним.

С рождением сына в 1927 г. с артистической карьерой было покончено. Несмотря на наличие няньки, мать хотела сама заниматься сыном и наблюдать те маленькие глупости, которые так дороги родителям. Через два года мать развелась с отцом и уехала в Ленинград. Там её пригласили работать в гостиницу интурист “Астория” и поручили обучение манерам и языкам официантов и горничных. И тут опять проявился её артистизм: она ставит пьесы с участием своих учеников, где неправильное поведение высмеивается или показывается в самом неприглядном виде. Это было куда действенней, чем запреты не садиться с гостями за стол. С той же целью её переводят в Москву. Тут ей пришлось после работы писать отчеты о том, кто и что из иностранцев сказал, т.к., когда приезжали видные гости, ей поручали принимать их и переводить, при этом “сотрудник “стучал по столу наганом и требовал доносов”. Пришлось уйти. И, наконец, она нашла себя, закончив заочно педагогический институт и получив профессию преподавателя немецкого и французского языков. В школе, а затем в Танковой Академии она бесменно руководила драмкружками, где ставила пьесы как на немецком, так и на русском языках. Многие её ученики впоследствии стали артистами. До самой её смерти из дипломатического корпуса ходили к ней дипломаты, направляемые во Францию на работу, для постановки правильного произношения.

А. А. Каплер – правнук основателя музея
с внуком Андреем

А. А. Каплер на открытии выставки
"Немеркнущий свет старины", посвященной
100-летию открытия музея украинских древностей
В. В. Тарновского. 2002 г.

Во втором браке была замужем за Александром Петровичем Плаксионовым, гидрологом Главсевморпути. Умерла мама в 1994 году. Похоронил мать я на Ваганьковском мемориальном кладбище.